

видов автобиографических материалов.⁶² Душевный кризис, перемены в судьбе, нравственные и физические потрясения вызывают потребность подумать о себе, осмыслить свою жизнь, выделить в ней общественно-ценное и важное. Эта особенность в появлении жанра автобиографии была подмечена на материале житий Аввакума и Епифания: потребность «вождей раскола в автобиографическом творчестве в собственном смысле слова возникла именно тогда», когда «светские и духовные власти подвергли их наиболее ожесточенным гонениям и казням».⁶³

Таким образом, появление жанра автобиографии вытекает из потребности общественного сознания определить место отдельного человека в обществе. Такая потребность могла сложиться только тогда, когда «частный человек» был подготовлен к этому. Развитие индивидуальности всегда идет одновременно с осознанием общественных связей, путем отражения этих связей в сознании личности. Осознание индивидуальной личностью своей общественной значимости — длительный и сложный процесс. От идеи общности рода, племени, народа, общности корпоративной, религиозной, которая осознается прежде всего, человек переходит к осознанию своего места, своей значимости в этой общности, своего долга перед нею, в том числе и своего писательского долга (например, Мономах, Поликарп, Аввакум и др.).⁶⁴ Так, побудительной причиной для рассказа о себе зачастую становится «дело» («божье дело» у Аввакума, «государево дело» у А. Л. Ордина-Нащокина, «богоизбранное дело» у Ивана Федорова и др.). И для Мономаха, «на всякие дела человеческие» годного, потребность рассказать о том, что он уже успел сделать, является прямой побудительной причиной к составлению «грамотицы».

Хотя «дело» это еще осмысляется как осуществление религиозного предназначения (и подтверждается евангельской притчей о таланте), тем не менее в нем религиозная схема уже оказывается перевернутой, так как «дело» — результат индивидуальной потребности автора-рассказчика.

В отличие от исповеди, также идущей от «частного» человека и вызванной по большей части психологической или жизненной коллизией, в автобиографии писатель ищет не в боге, а в самом себе и в других людях критерий своих поступков, аналогию своим переживаниям. Человек становится сам себе судьей или отдает себя на суд общества. Исповедь — тоже рассказ о себе, но цель его другая: самоуничижение и самоотрицание. Простить или не простить не во власти кающегося — это дело бога.

Связь автора автобиографии с обществом, сознание им общественной значимости своей судьбы, своего «дела» находит выражение в обращении к читателю. Предназначая свое повествование зачастую конкретным историческим лицам («детям» — как у Владимира Мономаха, «желательным людям» — у А. Л. Ордина-Нащокина), автор обращается одновременно к читателю вообще (в «Почуении» — это

⁶² Роль «жизненной коллизии» в процессе возникновения жанра автобиографии отмечает и Г. Миш (G. Misch. Geschichte. . ., Bd. III, Heft. 2, S. 1418).

⁶³ А. Н. Робинсон. Житие Епифания, стр. 202.

⁶⁴ G. Misch. Geschichte. . ., Bd. III, Heft 1, S. 74, 75. А. Л. Ордин-Нащокин выразит это следующими словами: «Не для того показатца всему свету учинено, но для устроения своего государства». А Курбский видит свою задачу в том, чтобы восстановить общественную справедливость и обличить порок: «Сие краткое сего ради произволихом написати, да не отнюдь в забвение приидут, ибо того ради славныя и нарочитыя исправления великих мужей от мудрых человеквок исторыями описашася, да ревнуют им грядущие роды, а презрелых и лукавых пагубные и скверные дела того ради пописани, иже бы стереглись от них человецы, яко от смертоносных ядов или поветрия не токмо телесного, но и душевного» (РИБ, т. I, СПб., 1914, стлб. 274).